

В. М. МОКИЕНКО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ:
ЭТНОГРАФИЯ ИЛИ ЛИНГВИСТИКА?

Ни в одном разделе языкознания, вероятно, синхрония не отграничивается от диахронии столь последовательно и непримиримо, как во фразеологии. Особенно четко это проявляется в исследованиях практического типа.

Функциональный подход к устойчивым сочетаниям, получивший свое отражение в классификации В. В. Виноградова, нашел многочисленных последователей¹. Рамки синхронии в таких исследованиях являются своеобразным патентом на то, что исследование окажется лингвистическим, а не этнографическим, фольклористическим, историческим и т. д.

Разработка фразеологии с синхронных позиций почти не отразилась на принципах ее диахронического анализа, который страдает недостаточным вниманием к собственно языковым фактам, фактам языковой системы. Атомарный подход к лексике, который «во многих случаях не дает возможности убедиться в наличии или отсутствии процессов, затемняющих генетические связи слов: контаминации, народной этимологии, аналогических изменений и особенно фономорфологической вариативности»², продолжает оставаться в области фразеологии доминирующим методом этимологического анализа.

В этом плане весьма характерно то, что В. В. Виноградов, разрабатывавший в своих теоретических исследованиях принципиальные вопросы фразеологической системы, обычно отвлекался от идеи системности в своих работах по исторической фразеологии. Известные этюды о происхождении фразеологизмов *родиться в сорочке*, *лечь пули*, *точить балы*, *балясы* и др. опираются на экстралингвистические — этнографические и фольклористические аргументы.

Разумеется, нельзя недооценивать такого рода аргументы при описании происхождения устойчивых оборотов. Фразеологический фонд многих народов показывает, что во фразеологии, как ни в какой другой области языка, живо ощущается связь с экстралингвистическими факторами. Однако отсутствие строгих лингвистических критериев для проверки той или иной этимологической гипотезы порождает справедливый скептицизм синхронистов к атомарной истории фразеологизмов.

Атомарный подход и чрезмерное доверие к экстралингвистическим фактам приводят в области фразеологии к своеобразному этимологическому всеприматию. В литературе нередко встречаются совершенно противоположные по трактовке фразеологические этюды, в которых одна этимология опровергается, а другая выдвигается без каких-либо веских лингвистических аргументов. Обилие таких недостаточно аргументированных эти-

¹ Более 4000 работ написано за последние двадцать лет советскими фразеологами. В подавляющем большинстве это исследования синхронно-функционального типа. См.: В. Н. Сергеев, Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1948 по 1961 гг., «Проблемы фразеологии», М.—Л., 1964; Л. И. Ройзензон, М. А. Пеклер, Материалы к общей библиографии по фразеологии, «Вопросы фразеологии», Ташкент, 1965; Л. И. Ройзензон, А. М. Бушуй, «Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии», II, Самарканд, 1970.

² М. М. Макавский, Теория лексической аттракции, М., 1971, стр. 45.

мологических «разночтений» бросается в глаза, например, при просмотре четырех наиболее известных сборников русской фразеологии³.

Одной из типичных иллюстраций подобного подхода к истории фразеологизмов являются дискуссии об этимологии выражения *у черта на куличках* «очень далеко, неизвестно где». Традиционная этимология этого фразеологизма, предложенная В. И. Далем, связана с трактовкой слова *куличка* (кулижка) как уменьш. к *кулига* «росчисть, чищоба», «починок». Чтобы оправдать эту этимологию фонетически, В. И. Далю пришлось сделать весьма показательную оговорку: «у черта на куличках (неправли. на куличках)»⁴. Эту же оговорку повторяет, в более категоричной форме, С. Максимов⁵ и другие популяризаторы русской фразеологии⁶.

Вопрос о переходе *ж* в *ч* стал отправным пунктом нескольких этимологических версий, высказанных по поводу этого фразеологизма в последнее время. Резко критикуя П. Я. Черных, безоговорочно принявшего приведенную этимологию, А. В. Исаченко называет ее фантастической. «Дело обстоит гораздо проще, — пишет он. — Это грубое выражение заимствовано из польского, где *kuliczki* является малоцензурным словом со значением „testes“»⁷. Категоричность утверждения А. В. Исаченко, однако, не оправдана никаким конкретным материалом; польские словари не дают фиксации слова *kuliczki* в указанном значении и не содержат сочетания, подобного русскому *у черта на куличках*⁸. Более того, сами польские лингвисты считают фразеологизм *u diabła na kuliczkach*, *u czorta na kuliczkach*, в последнее время промелькнувший в польской печати, заимствованием из русского языка через воровское арг. С. Урбанчик, доказывая это предположение, приводит этимологию выражения *u diabła na kuliczkach*, сообщенную ему устно «одной молодой русской дамой»; *кулички* тракуются как уменьш. от *кулич* «вид пасхального пирога»⁹. Исходная мотивировка выражения, согласно этой версии, — «у черта на куличках», т. е. в гостях. Совершенно самостоятельно к такой же этимологической версии приходит и диалектолог А. А. Никольский, связывающий фразеологизм *у черта на куличках* с обл. *кулика* «ватрушка, свадебный пирог, кулич»¹⁰.

Своеобразной попыткой устранить языковые трудности при объяснении перехода *кулижка* в *куличка* является этимология А. Спирина, толкующего слово *кулички* как «болотистые места, обиталище куликов»¹¹. Эту этимологию вполне можно назвать народной, ибо в своей заметке А. Спирин апеллирует к связи слова *кулига* с *куликом*, что этимологически более чем неубедительно¹².

Итак, налицо четыре различных этимологических трактовки одного фразеологизма. Характерно, что все они, кроме высказанной вскользь А. В. Исаченко, «опираются» на довольно подробно излагаемые этнографические факты: причины заблуждения и запустения кулиг (В. Даль,

³ С. Максимов, Крылатые слова, М., 1955; М. И. Михельсон, Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, I—II [б. м. и г.]; Эд. Вартаньян, Из жизни слов, М., 1960; М. Булатов, Крылатые слова, М., 1958.

⁴ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, II, М., 1955, стр. 216 (далее: Д. I—IV).

⁵ С. Максимов, указ. соч., стр. 54 и сл.

⁶ См.: М. И. Михельсон, указ. соч., II, стр. 430; Эд. Вартаньян, указ. соч., стр. 271—218.

⁷ А. В. Исаченко, О книге П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии», ВЯ, 1957, 3, стр. 121.

⁸ J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, II, Kraków, 1901, стр. 461, 520.

⁹ S. Ugbajczuk, U diabła na kuliczkach, JP, 1971, 4, стр. 314.

¹⁰ А. А. Никольский, Этимологические заметки, «Вопросы русского языковедения» («Уч. зап. Рязанск. пед. ин-та», 98), 1971, стр. 187—189.

¹¹ Лит. газ. 6 VIII 69, стр. 6.

¹² См.: Ю. И. Чайкина, Еще раз о слове *кулига*, «Этимология 1968», М., 1971.

С. Максимов), поверья, связанные с пребыванием черта в болоте (А. Спирин), пасхальные обычаи и различные виды куличей (А. А. Никольский). Лингвистический комментарий этих этимологий либо вообще отсутствует, либо — как при традиционной трактовке — сведен до минимума.

Примерно в том же русле идет и дискуссия по поводу этимологии выражения *попал как кур во щи*, где различные гипотезы обильно уснащаются этнографическими данными. Споры ведутся по поводу значения второй части фразеологизма. Одни исследователи возводят ее к слову *ощип*, образованному от глагола *ощипать* (Э. Вартамян, Б. Тимофеев, Е. Г. Ковалевская), другие — к *щип*, *щип* или *щёмы* «зажим, капкан для птиц из расщепленного дерева» (Л. И. Скворцов), третьи — к слову *щи* «крестьянский суп из овечьей» (Г. А. Ильинский, Л. Раковский, А. И. Молотков, Т. А. Иванова)¹³.

Подобных случаев, когда компоненты фразеологизма дают возможность различных этимологических трактовок, в русской фразеологии немало. Как правило, при их диахроническом анализе исследователи делают основной упор на внеязыковые факты: чем дискуссионнее этимология фразеологизма, тем больше экстралингвистических аргументов старается привести автор очередной гипотезы. Подобная аргументация, как правило, сама по себе весьма надежна и трудноопровержима. Так, по народным поверьям, черти действительно любят болотные и заброшенные лесные места (*кулиги*)¹⁴; поедание куличей связано с некоторыми пасхальными обрядами; кулики обитают в болотных зарослях. То же самое можно констатировать и относительно экстралингвистических аргументов трех этимологических гипотез выражения *попасть как кур во щи*. Экстралингвистические факты, однако, сами по себе не делают подобные этимологии убедительными, о чем свидетельствуют и постоянные попытки их пересмотра. Необходим метод, который позволил бы из предполагаемых этнографических версий избрать одну, единственно (или наиболее) верную. Разработка такого метода, как кажется, невозможна без тщательного наблюдения над чисто языковыми свойствами фразеологизмов.

В случаях этимологического разночтения типа *у черта на куличках* или *попал как кур во щи* мы сталкиваемся с типично лингвистическими явлениями — омонимией и полисемией компонентов фразеологических единиц. Поэтому прежде чем приступить к экстралингвистической их истории, необходимо детально исследовать внешние, формально-структурные свойства этих фразеологических единиц, определить их место в языковой системе. Этимологические исследования последних лет убедительно показали, что наиболее надежным способом разграничения древнейшей омонимии и полисемии является установление фонетических, словообразовательных и семантических моделей, по которым образовано слово. Метод нахождения таких моделей постепенно вытесняет метод атомарного подхода к этимологии слова, столь распространенный в прошлом столетии.

В области исторической фразеологии подобный метод не мог активно внедриться по вполне объективным причинам. Как показывает история этимологической науки, для системного анализа слова необходим обильный материал из различных языков и диалектов, накапливаемый веками, нужны широкие типологические параллели, выходящие за пределы гене-

¹³ Последняя гипотеза особенно детально аргументируется обильным историческим и этнографическим материалом в статье Т. А. Ивановой «К истории поговорки „Попал, как кур во щи“» [«Этимологические исследования по русскому языку», VIII (в печати)].

¹⁴ Ср. славянские названия черта, связанные с географическими терминами в значении «болото», «лес» (Н. И. Т о л с т о й, Славянская географическая терминология, М., 1969, стр. 142—143).

тической языковой общности. Такой материал для исторической фразеологии до сих пор находится еще в стадии накопления.

Методика системного анализа фразеологизмов не могла успешно развиваться и в силу некоторых общетеоретических установок, на которых строилась фразеология. Основным качеством фразеологизма признавалась иррегулярность — как формальная, так и семантическая. Индивидуальная образность, национальная специфичность, семантическая единичность — эти и подобные функционально-стилистические признаки иррегулярности фразеологизмов приводят к определению фразеологической единицы как «немоделируемой структуры», которое стало аксиоматичным и принимается большинством советских фразеологов¹⁵.

Но если фразеологизм — немоделируемая, формально и семантически индивидуальная структура, то, естественно, все попытки установить его «фразеологический этимон» методом, подобным методу этимологического анализа слова, заранее обречены на неудачу: этимон слова вскрывается на пересечении его фонетических, словообразовательных и семантических моделей, модели же фразеологического этимона, исходя из тезиса о немоделируемости структуры фразеологизма, не должно существовать в принципе. Следовательно, признание немоделируемости фразеологизма в диахроническом плане закономерно ведет к атомарному этимологическому анализу.

Исследования последних лет (работы Н. Н. Амосовой, В. П. Жукова, А. В. Кунина, Л. И. Ройзензона и других исследователей) показывают, однако, все большую и большую относительность тезиса о немоделируемости фразеологических единиц. К выводам о формальной и семантической диффузности фразеологизмов, об их широких трансформационных потенциалах приводит широкое изучение фразеологической вариантности, внимание к которой обостряется с каждым годом. Факты убедительно свидетельствуют о моделируемости фразеологизмов, об их структурной воспроизводимости как в синхронии, так и в диахронии. Даже такая индивидуально-образная и оригинальная сфера фразеологии, как устойчивые сравнения, имеет моделируемый характер¹⁶. Можно согласиться с утверждением Ф. А. Литвина о том, что «о немоделируемости фразеологизмов можно говорить только в тех редких случаях, когда из языка исчезла модель, по которой они построены („ничтоже сумняшесь“), а в основном корпусе фразеологизмов их компоненты сохраняют свои словесные качества и являются элементами построенных по живым и действующим в языке моделям словосочетаний»¹⁷.

Тезис о моделируемом характере фразеологических единиц дает право требовать от историков фразеологии такой же методологической строгости, как и от историков слова. Этимология фразеологизмов, подобно этимологии слов, должна опираться на системные отношения при установлении языковых моделей. Такой этимологический анализ не может строиться лишь на фактах литературного языка, нередко кодифицирующего далеко не все фразеологические варианты, представленные в разговорной речи. Поиски исходной модели национального самобытного фразеологического оборота не могут быть успешными без обращения к диалектному материалу, к просторечной лексике.

¹⁵ См.: В. Н. Т е л я, Что такое фразеология, М., 1966, стр. 60.

¹⁶ Ср.: Р. А. Г л а з ы р и н, Сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц в современных германских языках. Автореф. канд. диссерт., М., 1972, стр. 13.

¹⁷ Ф. А. Л и т в и н, Отношение слова и компонента фразеологизма к структурно-семантической модели. «Вопросы фразеологии», V, часть первая, Самарканд, 1972 («Труды Самаркандского ун-та им. А. Навои», Новая серия, 219).

К фразеологическим единицам такого типа относится русское выражение *бить баклуши*, этимологический анализ которого явится попыткой фактической аргументации высказанных выше соображений. Этот фразеологизм — непрменная иллюстрация в работах по фразеологии. В исследованиях синхронного плана он приводится как образец тесной спаянности компонентов устойчивых сочетаний. В работах по исторической фразеологии выражение *бить баклуши* стало хрестоматийной иллюстрацией зависимости этимологии фразеологических единиц от этнографических фактов. Последнее обстоятельство и заставило предпочесть для наших целей этот фразеологизм другим (*лечь пули, точить лясы, разводиться турсы на колесах, наговорить сорок бочек арестантов, сбить с панталыку, напиться как зюзя* и др.), которые также могли бы служить аргументом в пользу тезиса о моделируемости фразеологии в диахроническом плане.

«Производственная» гипотеза происхождения выражения *бить баклуши* принадлежит В. И. Далю. *Бить баклуши*, по его мнению, первоначально означало «готовить чурки-заготовки для деревянной посуды: чашек, ложек, стоячков» (Д. 1, 40)¹⁸. Эта гипотеза, переходя из одного фразеологического источника в другой, приобрела, наконец, статус аксиомы¹⁹. Этому особенно способствовал С. В. Максимов, обильно уснастивший этимологию В. И. Даля живописными этнографическими деталями «легкого промысла» битья баклуш. Исходная мотивировка фразеологизма *бить баклуши* в традиционном понимании — «заниматься легким, пустяковым делом, не требующим особого умения».

Несколько иную мотивировку предлагал В. С. Парсунько, пытавшийся конкретизировать ее, исходя из общественно-экономических отношений: «Мы полагаем, что заготовка материала (баклуш) для мелких деревянных изделий могла оправдывать себя, пока процветал кустарный промысел, испытывающий потребность в таких заготовках. Когда же кустарный промысел в связи с развитием фабричной промышленности стал нерентабельным, заготовка баклуш для кустаря должна была утратить свое значение, не оправдывать себя. В этом, очевидно, нужно видеть условия для переосмысления выражения *бить баклуши*»²⁰. Такая трактовка кажется довольно произвольной вариацией на далевскую тему, тем более, что автор даже не пытается подкрепить ее каким-либо материалом.

Гипотеза, ставящая под сомнение традиционную этимологию, принадлежит А. Спирину²¹. Ее контраргументы направлены против этнографической интерпретации В. И. Даля: «во-первых, баклуши не бьют, а колют», «во-вторых, работа эта требует немалой затраты физического труда и ее нельзя отождествить с бездельем», «в-третьих, заготовками баклуш в промысловых артелях занимались подростки, а ни одна мать не назовет бездельником добытчика, заработавшего первую копейку». А. Спирин предлагает две собственные трактовки. Согласно первой, *баклуша* — это «музыкальный инструмент, похожий на деревянную миску, по которой бьют деревянными клюшками». Согласно второй, *баклуша* является синонимом слова *бакалдина, колдобина* «лужа» и *бить баклуши* значит «ударять палками по такой колдобине, швыряя туда камешки». Сам автор считает более правдоподобной вторую версию, хотя и никак не аргументирует ее большую вероятность.

¹⁸ Ср.: В. И. Даль, Пословицы русского народа, М., 1957, стр. 501.

¹⁹ См.: С. Максимов, указ. соч., стр. 23—29; М. И. Михельсон, указ. соч., I, стр. 38—39; Эд. Вартаньян, указ. соч., стр. 27, и др.

²⁰ В. С. Парсунько, До питання про походження виразу «байдики бити», «Наукові зап. Київськ. педін-ту», XXIII, Київ, 1963, стр. 106.

²¹ Лит. газ. 6 VIII 69, стр. 6.

Итак, перед нами типичное этимологическое разночтение, подобное случаям *у черта на куличках* и *попал как кур во щи*. Четыре версии, опирающиеся на этнографические факты (три из них подтверждаются диалектными данными), из которых первая признается большинством фразеологов без лингвистической аргументации.

Проверим вероятность каждой из версий, исходя из принципа моделируемости фразеологизма. При этимологическом анализе фразеологии чаще всего приходится сталкиваться с полисемией, которая накладывает существенный отпечаток на дифференциацию парадигматики лексических микро- и макроструктур²². С полисемией компонентов мы и имеем дело при попытках этимологизации сочетания *бить баклуши*: и глагол *бить*, и существительное *баклуша* имеют в русских диалектах чрезвычайно многоплановую семантику (лексикографы выделяют для этих лексем, помимо омонимов, по четырнадцать значений)²³. Лишь пересечение семантической и структурной модели фразеологизма *бить баклуши* может выявить, слияние каких семантических признаков лексем *бить* и *баклуша* привело к образованию переносного значения «бездельничать».

Установление семантической модели образования фразеологизма в нашем случае означает выявление продуктивности модели «заниматься полезной (хотя и нетрудной) деятельностью» → «бездельничать», лежащей в основе традиционной этимологии. Рассмотрим с этой точки зрения синонимический ряд со значением «бездельничать» в русском и других языках. Комплексный анализ позволяет сделать вывод, что огромное большинство этих фразеологизмов укладывается в три общие семантические модели.

1. «Абсолютно ничего не делать» → «бездельничать»: русск. *палец о палец не ударить*; и *пальцем не погнуть*; *не знать, куда себя девать*; белорусск. *ані палец абгарнуць* и под. Сюда же можно отнести и некоторые субстантивные фразеологизмы, вероятно, восходящие к глагольным: *ни тпру, ни ну, ни в зуб толкнуть*²⁴, *ни в сноп, ни в горсть*²⁵, *ни пришей кобыле хвост, ни пришей, ни пристегни*, укр. *ні до холодної води*²⁶, белорусск. *ні рукою ні нагою* и под.

2. «Принимать позу, в которой невозможно ничего делать» «бездельничать»: русск. *лежать на печи, лежать на боку*, диалектн. *за солнцем лежать* и *лежачью лежать*²⁷, *плевать в потолок, сидеть поджав руки, сидеть поджавши руки, сложа руки, руки склавши, руки сощавивши*²⁸, *сидеть богородицей*²⁹, *стоять руки в боки, глаза в потолок, стоять фертлом, стоять с разинутым ртом, стоять развесив уши, ковырять в носу* и под.; укр. *посидиньки справляти, лежни справляти, боки вилежувати*; белорусск. *на печы ляжаць, сядзець да на неба глядзець, ацираць бакі, (стаяць) рот нараспашку, язык на плячо* и под. Ср. ряд соответствий русск. *сидеть сложа руки* и *ходить руки в брюки* в западных языках: англ. *to fold one's hands*; нем. *die Hände in den Schoß legen*; франц. *se croiser les bras*; исп.

²² Ср.: О. Д у ч а с е к, *La linguistique hier et aujourd'hui*, «Le français moderne», 2, 1972, стр. 101.

²³ «Словарь русских народных говоров», под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова, II, М.—Л., 1966, стр. 62, 300—301 (далее: СРНГ I—VII).

²⁴ Б. А. Л а р и н, *Очерки по фразеологии*, «Уч. зап. ЛГУ», 198, Серия филол. наук, 24, 1956, стр. 211.

²⁵ «Словарь русских говоров Среднего Урала», II, Свердловск, 1971, стр. 208.

²⁶ Б. А. Л а р и н. *Про народну фразеологію*, «Українська мова в школі», 5, 1959, стр. 33.

²⁷ М. В. О р е л, *Синонимия диалектной фразеологии (на материале русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби)*, «Уч. зап. Кемеровск. пед. ин-та», 26, 1971, стр. 165.

²⁸ Картоотека «Псковского областного словаря», Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина, филологич. ф-т ЛГУ (далее: КПОС).

²⁹ В. И. Д а л ь, *Пословицы русского народа*, стр. 503.

estar con manos cruzados, con mano sobre mano; нем. *die Hände in die Taschen stecken*; франц. *donner les mains dans les poches*.

3. «Заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью» → «бездельничать». Последняя модель — самый активный источник пополнения фразеологии описываемого синонимического ряда. Внутри нее можно выделить несколько подтипов, различающихся по конкретной внутренней мотивировке.

а) «Болтать», «пустословить» → «бездельничать». Фразеологические синонимы этого типа, как правило, сохраняют семантическую связь с понятием «пустословить»: *точить лясы, точить балы, балясы, переливать из пустого в порожнее, лить воду, травить баланду, гнуть бильдюгу, разводит балагуры, разводит бодягу, молоть чушь, городить вздор, расстегивать рот, молоть, болтать, трепать, бить, целкать, играть и т. д. языком и под.* Необходимо подчеркнуть, что внутренняя мотивировка фразеологизмов этого ряда строится на иных модельных принципах, чем синонимика ряда «бездельничать».

б) «Заниматься заведомо бесплодной деятельностью» → «бездельничать»: русск. *носить воду решетом, толочь воду в ступе, искать вчерашний день, строить воздушные замки, ждать у моря погоды, гонять ветер* (ср. *ветрогон*), *коптить небо, плодять в окно*³⁰, *считать ворон и ловить галок, гонять собак*; укр. *товкти воду в ступі, ловити вітрив, шукати вчорашнього дня, горобців (ворон, граків, гав) лічити, горобцям дули давати, турів ганяти* и под.; белорусск. *абіраць вуглы, грэць зубы* и под.; чеш. *snít v peci sušiti* (буквально: «снег в печи сушить»); *chytat hejly* (буквально: «ловить снегирей»); *stříletí rani bohu do oken* (буквально: «стрелять господу богу в окна») и под.

в) «Слоняться, ходить без дела» → «бездельничать»: русск. *слоняться из угла в угол, слоны слонять и слоны продавать*³¹, *гранить мостовую, состоять в комитете по утаптыванию мостовой*³², *работать в бригаде Ваньки Шаталова*³³, *шаты продавать* и под.; укр. *походенькі (швенді) справляти, тинятися з кутка в куток* и под. Ср. франц. *battre le pavé*, нем. *in den Strassen herumlundern* и под.

г) «Играть в какую-нибудь игру», «развлекаться» → «бездельничать»: русск. *играть в бирюльки, гонять мяч; в переборочку играть*³⁴, соответствующее англ. *to twiddle one's thumb*; нем. *die Daumen drehen*; франц. *tourner ses pouces* и т. д.

Лишь лимит места не позволяет расширить количество примеров из славянских и других языков для иллюстрации актуальности выявленных семантических моделей образования фразеологического ряда со значением «бездельничать» и его типологических соответствий. Достаточно отметить, что, по нашим подсчетам, в богатейшем собрании чешской народной фразеологии Я. Заоралека³⁵ содержится 216 фразеологизмов с этим значением. Внутренняя форма подавляющего большинства из них (около 190) может быть уверенно отнесена к выявленным выше моделям, мотивировка остальных спорна или совершенно затемнена. В типологическом плане весьма характерно и то, что фразеологизмы французского литера-

³⁰ «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.)», под ред. И. А. Оссовета, М., 1969, стр. 405.

³¹ Эти фразеологизмы — перифразы глагола *слоняться*.

³² Богатый материал о литературных источниках этого ряда фразеологизмов см. в книге: А. М. Б а б к и н, Русская фразеология, ее развитие и источники, Л., 1970, стр. 102; 176 и др.

³³ Б. Ф. З а х а р о в, Личные имена и прозвища в составе диалектных фразеологизмов, «Ономастика Поволжья», II, Горький, 1971, стр. 97—98.

³⁴ В. И. Д а л ь, Пословицы русского народа, стр. 501.

³⁵ J. Z a o r á l e k, Lidová řeč, Praha, 1963.

турного языка со значением «бездельничать» полностью соответствуют описанным моделям ³⁶.

Естественно, необходимо учитывать относительность семантического обобщения этих моделей (каждая из них могла бы быть разбита на более мелкие подгруппы), относительность самих формулировок моделей и тесную их взаимосвязь, препятствующую их строгой дифференциации. Тем не менее, даже этот далеко не полный семантико-типологический обзор фразеологического ряда со значением «бездельничать» показывает несостоятельность модели «заниматься полезной (хотя и нетрудной) производственной деятельностью» → «бездельничать», на которой строится традиционная этимология выражения *бить баклуши*. Необходимо искать иное объяснение его первичной мотивировки, которое не выходило бы за рамки вскрытых семантических моделей.

Широкая полисемия компонентов этого фразеологизма в народных говорах делает поиски такой мотивировки возможными. В то же время широкая (по 14 значений у каждого компонента) полисемия не исключает возможности нескольких этимологических гипотез и в рамках выявленных семантических моделей. В принципе обе гипотезы А. Спирина удовлетворяют третьей модели («заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью» → «бездельничать»); трактовка *баклуши* как музыкального инструмента — деревянной миски, по которой бьют деревянными клюшками, могла бы соответствовать типу (г) этой модели («играть в какую-нибудь игру», «развлекаться» → «бездельничать»), а толкование *баклуши* как «колдобины, лужи», по которой бьют палками, не противоречит типу (б) («заниматься бесплодной деятельностью» → «бездельничать»). Следовательно, выявление закономерных семантических моделей образования данного фразеологического ряда лишь сузило круг значений компонентов, пригодных для выявления исходной мотивировки выражения *бить баклуши*, но не исключило возможности его этимологического разночтения. Необходим признак, который сделал бы выбор этих значений минимальным.

Таким признаком является фактор сочетаемости компонентов *бить* и *баклуша* в русских говорах, который соответствует формальной синтаксической модели фразеологизма. При поиске синтаксической модели фразеологизма необходим учет его семантики.

Формально-синтаксический подход заставляет отказаться от первой этимологии А. Спирина. Глагол *бить* в сочетаниях с ударными музыкальными инструментами употребляется с предлогом *в*: *бить в бубны, в барабаны, в литавры, в колокола* и под., причем ни одно из подобных сочетаний не дает семантики «бездельничать». Кроме того, значение «ударный инструмент» для лексемы *баклуша* настолько ареально ограничено (оно даже не зафиксировано в СРНГ), что приходится отказаться от выдвинутой А. Спириным гипотезы.

Весьма необычна и синтаксическая связь глагола *бить* со словами в значениях «лужа», «колдобина», которую предполагает А. Спирин для второй своей гипотезы. Н. И. Толстой не приводит ни одного случая подобной сочетаемости ³⁷. Ожидаемой синтаксической моделью, по всей вероятности, должен был быть тип *бить по баклуше (по колдобине, по луже, по калуше, по макотёрти* и т. п.) *палками*. Кроме того, на фоне внутренней мотивировки фразеологизмов типа *толочь воду в ступе, искать вчерашний день, считать ворон* и т. д. (модель 3) реконструируемая

³⁶ Э. И. Л и п ш и ц е н е - З и б у ц а й т е, Фразеологические синонимы французского языка, Л., 1971, стр. 191—192.

³⁷ Н. И. Т о л с т о й, указ. соч., стр. 212—240.

А. Спириным внутренняя форма «бить (по) лужам» кажется весьма искусственной. Просмотренные диалектные источники не подтверждают ее.

Поиски семантически и синтаксически оправданной мотивировки фразеологизма *бить баклуши* приводят к трактовке компонента *баклуша* как «чурка для игры в городки, рюхи или бабки». Такое значение — «круглая, толщиной в вершок осиновая палочка длиной в 6—7 вершков для игры в бабки на льду» зафиксировано в тобольских говорах (СРНГ II, 62). Оно — естественное развитие самого активного и наиболее широко распространенного в русских говорах значения лексемы *баклуша* — «деревянная чурка, палка, болванка». *Баклуша* как термин игры в городки, рюхи, бабки и под. было, по-видимому, широко известно в диалектах. На это указывают его уменьшительные формы — *баклушка* и *баклушка*, записанные в уральских говорах³⁸, пермск. *баклушка* «деревянная чурочка для игры в городки» (СРНГ II, 63) и волог. *бакуланок* «деревянная чурочка, столбик, небольшой обрезок дерева» (СРНГ II, 63).

Предлагаемая исходная мотивировка выражения *бить баклуши*, таким образом, — «сбивать деревянные чурки или бабки», «играть в городки, рюхи, бабки». Семантически она удовлетворяет типу (г) модели 3 нашего фразеологического ряда. Необходима, однако, более детальная аргументация как в синтаксическом, так и в семантическом плане.

Синтаксическая модель *бить* + «городки, рюхи, бабки, шары» подтверждается массой материала, извлеченного из русских диалектных словарей и картотек³⁹. Диалектные названия игр, суть которых заключается в выбивании из кона, из города, из лунки и т. п. различного типа деревянных чурок или деревянных, костяных, металлических бабок и шаров, чрезвычайно разнообразны: *айч, айдан, айданчик, аланки, альджушка, альчи, алчу, альчики, ана, арца, аляпки (ляпки, оляпки), баранок, бабы, бабки, бабайки, бабики, бабушка, барысики, баталки, бежни, биданы, биксы, битки, битовухи, блитки, бойки, боталки, быки, касло, киток, клепни, клепушки, козей, козелок, козлок, козон, козн, козанок, козот, козоток, костьга, косыга, кумки, латок, лодыга, панок, рюхи, рюшки, сак, сака, свайка, свинка, скачок, хруль, хрульки, чижжи, чижжики, чирки, чмук, чурак, чурка, чуха, шарок, шельга, шляки, шкляки, шкули, шашки, шабалы, шабалки, шибалки, шилец, шлюхи, шлюшки* и др. Эти названия представляют группу лексики, достойную самостоятельного этимологического анализа. Для наших целей важно констатировать, что подавляющее большинство из них тесно сочетается с глаголами *бить, сшибать, вышибать* и под. Это и естественно: ведь процесс, выражаемый этими глаголами, — непрерывное условие игры. «Рюхи ставили гарадам, так десять штук али пятнадцать, и палкай бьют, прамажышь али не прамажышь» (Гдовский р-н Псковской обл. — КПОС) — подобные контексты характерны почти для всех перечисленных выше названий. Не случайно многие из них, по-видимому, образованы от глаголов с «ударной» семантикой: *баталки, боталки, ляпки (аляпки, оляпки), биток, битовуха, бойки, клепни, клепушки, шибалка, шабала* и под. Сочетание *битьку бить* «играть в чижжа» (Пыталовский р-н — КПОС) — весьма красноречивое свидетельство активности глагола *бить* в сфере игровой терминологии.

Переход от процесса игры в городки или бабки к символическому обозначению безделья укладывается в семантическое русло данного фразеоло-

³⁸ «Словарь русских говоров Среднего Урала», I, Свердловск, 1964, стр. 31. См. контекст: «Робята баклашками играют весь день».

³⁹ Просмотрены картотеки «Словаря русских народных говоров» (словарный сектор Ин-та языкознания АН СССР, Ленинград), КПОС, картотека словаря печорских говоров и картотека словаря карельских говоров (ЛГУ), картотека брянского словаря (ЛГПИ им. А. И. Герцена, Ленинград).

гического ряда. Учитывая широкую употребительность фразеологизма *бить баклуши* и популярность игры, лежащей в основе его мотивировки, можно предполагать наличие в разговорной речи более конкретной модели (подгруппы): «сбивать городки, рюхи, бабки» → «бездельничать». Наблюдение за контекстами описанных названий показывает их довольно устойчивую коннотацию с понятием «бездельничать». Так, в свияжских говорах записан следующий контекст к слову *блудня*: «Блудняты эдакой, чем книжку читать, он городки строит» (СРНГ III, 30). Игра в бабки (лодыги) четко коннотируется с бездельем в обороте *смен на лодыгу*, имеющему значение «отдых»⁴⁰. Не менее очевидна пейоративная коннотация со значением «бездельничать» и для следующих контекстов: «Целый день играл в шелугу» [Бежаницкий р-н — КПОС; *шелуга (шалуга)* — деревянный или лыковый мяч]; «Рюхи в брюхе будут играть» (Гдовский р-н — КПОС), «У него альчики на уме» (СРНГ, I, 246). Ср. сочетание *палками лукать* из Кунгурских актов XVII в., которое, возможно, связано и с игрой в городки, и с ее коннотативным смыслом: «Толко де Бориска Оксенова дочь его дѣвка была на мосту, и она де охоча палками лукать»⁴¹.

Важным аргументом в пользу предлагаемой этимологической гипотезы является наличие в русских диалектах значительного ряда сочетаний, синтаксическая и семантическая структура которых полностью соответствует модели «сбивать городки, бабки, шары» → «бездельничать». В барнаульских говорах Е. П. Молчанова записала выражение *бабки шибить*, определив его как «жить мелким заработком». Контекст показывает близость этого выражения к значению «бездельничать»: «Любитель бабки шибить, работатъ-то неохота» (СРНГ II, 25). Аналогию этого фразеологизма находим в псковских говорах, где *шашки шибить* означает «заниматься нетрудным делом, отлынивать от тяжелой работы»: «Он та рабѣтал в шкѣле, шашки збивал. Шашки збивать, работать бес калхѣза, по-вашему халтѣрить»⁴². Значение «игральная бабка» для слова *шашка* в русских говорах широко известно⁴³. Именно в значении «ничего не делать, бездельничать» сочетание *биць, абиваць бабкі* известно и белорусским говорам⁴⁴.

К «бабочной» терминологии восходят, видимо, и такие диалектные фразеологизмы, как донск. *сбивать шибалки*⁴⁵, *бить шабалу, шебалу, шобалы* (Д. IV, 617; СРНГ II, 301). Ср. *шабала, шабалка, шибалка* — «бабка»), *бить табалу* (Д. IV, 384. Ср. *тавляя, товлеи* «игра в шашки» и параллелизм значений «шашка» ↔ «бабка»), *бить сачка* (Псковский р-н — КПОС) (ср. *сак, сака* «бабка»). Последнее сочетание тесно связано с просторечным глаголом *сачковать* «бездельничать». Все эти сочетания имеют значение «бездельничать» и в то же время сохраняют тесную связь с терминологией игры в бабки.

Глагол *бить* активно соединяется с терминами игры в шары (другие названия: *касло, душки, сучка* и проч.) (в роли шара часто выступает дере-

⁴⁰ В. И. Даль, Пословицы русского народа, стр. 511.

⁴¹ И. С. Козырев. Из истории синонимов русского и белорусского языков, «Синонимы русского языка и их особенности», Л., 1972, стр. 192.

⁴² Л. А. Ивашко, Из наблюдений над диалектной фразеологией (на материале псковских говоров), «Слово в народных говорах русского Севера», Л., 1962, стр. 47.

⁴³ «Словарь современного русского народного говора», стр. 603.

⁴⁴ Е. С. Мясельская, Я. М. К а м а р о ў с к і, Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі, Мінск, 1972, стр. 26, 141.

⁴⁵ Е. И. Диброва, О варьировании фразеологических единиц в говорах Верхнего Дона, «Вопросы изучения русского языка. Доклады седьмой научно-методической конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка», Ростов-на Дону, 1964, стр. 70.

вянный обрубок, чурка) ⁴⁶. К этой игре восходит смоленский фразеологизм *бить гулы* «бездельничать» ⁴⁷, который, по мнению А. С. Львова, тесно связан с этимологией слова *гулять* ⁴⁸. К этой же игре восходит, вероятно, и донск. *беньки бить* «бездельничать» (СРНГ II, 242), которое можно связывать, с одной стороны, с «игровым» глаголом *бэнить* «ударять мячом в игрока» (волог. — СРНГ II, 242), с другой — со словом *бэнька*, обозначающим круглые предметы (например, донск. *беньки* «глаза»). С подобными играми связан, видимо, и рязанский фразеологизм *балды бить* «бездельничать», внутренняя форма которого раскрывается как на фоне основного значения слова *балда* «палка», «дубина», так и при учете его производного — челяб. *балбдка*, известного в значении «палка длиной до 75 см, которой сшибают шарик в игре в балодки (род городков)» (СРНГ II, 85). Ср. *балдить* «бездельничать» (СРНГ II, 80).

Активность конкретной семантико-синтаксической модели «сбивать чурки, бабки, шары» → «бездельничать» можно было бы подтвердить фразеологическим материалом и других славянских языков (белорусск. *бібікі біць*; укр. *байдики бити*, *байди бити*, *баглаї бити*, *бомки бити*, *гандри бити*; польск. *bić bałki* и т. д.). Предполагаемая исходная мотивировка фразеологизма *бить баклуши* «играть в городки или бабки» укладывается в рамки общих синтаксических и семантических моделей описываемого фразеологического ряда. Дополнительным аргументом является замена глагольного компонента в сибирских говорах, где записан фразеологизм *баклуши сбивать* «бездельничать» ⁴⁹. Этот вариант подтверждает верность реконструкции для глагола *бить* значения «сбивать, сшибать», а не «раскалывать», как предполагается традиционной трактовкой.

Активность «игровой модели» образования фразеологизмов со значением «бездельничать» не следует абсолютизировать. Широкая формальная диффузность народной фразеологии ⁵⁰ могла значительно исказить первоначальную мотивировку того или иного члена этого фразеологического ряда и придать ему индивидуальный характер. Такими народно-этимологическими трансформациями данной модели являются, например: курск. *лягушек бить* «вести праздный образ жизни, лентяйничать» ⁵¹, восходящий, по-видимому, к сочетанию *бить баклуши*; смол. *гультики справлять* «вести праздный образ жизни, лентяйничать» (ср. *гультики* «брюки; кальсоны») (СРНГ VII, 220), являющийся вероятной трансформацией смол. *гулы бить* «бездельничать»; краснодарск. *бить гайдуки* вместо *бить байдуки* «бездельничать» ⁵², донск. *китушки сбивать* «бездельничать», связываемое Г. А. Селивановым с *китушки* «сережки, кисти на вербе или хворосте» ⁵³; последнее, возможно, связано с *китки*, *кйтки* «бабки»,

⁴⁶ Ср. описания этой игры: И. Сахаров, Сказания русского народа, I, СПб., 1841, стр. 82—83; А. Дмитриев, Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов, «Курские губ. ведомости», 1853, № 7, неоф., стр. 62.

⁴⁷ В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914, стр. 153.

⁴⁸ А. С. Львов, К истории и этимологии слова *гулять*, «Этимология», М., 1963.

⁴⁹ «Словарь фразеологизмов и иных словосочетаний русских говоров Сибири», сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров, под. ред. Ф. П. Филина, Новосибирск, 1972, стр. 18.

⁵⁰ В докладе «О реконструкции праславянской фразеологии», представленном на VII съезд славистов, Н. И. Толстой справедливо считает формальную диффузность важнейшим типологическим свойством народной фразеологии.

⁵¹ М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губернии, Сб. ОРЯС, 76, 5, 1904, стр. 23.

⁵² Д. И. Пономарев, Фразеология говора ст. Кирпильской Краснодарского края, «Исследования по языку и фольклору», 2, Новосибирск, 1967, стр. 162.

⁵³ Г. А. Селиванов, Лексикологические заметки о южнорусских говорах, «Исследования и статьи по русскому языку», Волгоград, 1967, стр. 230.

известным, например, псковским говорам (КПОС)⁵⁴. Особого рассмотрения требует целый ряд фразеологизмов типа русск. диалектн. *ланды*, *лынды бить* — *бить банды* — *бить брынды* — *бить шлёнды* — *бить шлынды* — *бить блынды*, белорусск. *біць байды* — *біць блынды* — *біць лынды* — *біць брынды* — *біць дрынды* — *блынды правіць* и т. д., где возможны целые серии сложных контаминаций не только отдельных сочетаний, но и целых фразеологических рядов (например, «играть в бабки или городки»: «бесцельно бродить, слоняться»: «пустословить»). Богатый опыт функционального анализа фразеологии, накопленный советскими лингвистами, показывает, что без учета подобных трансформаций представление о развитии того или иного фразеологизма будет неполным. Вариантность и ложная аналогия как источники образования фразеологии, тесно связанные с проблемой моделируемости последней, — особые аспекты изучения устойчивых сочетаний⁵⁵.

Лингвистический план диахронического анализа фразеологии, разумеется, гораздо шире проблемы выявления исходной структурно-семантической модели словосочетания. Существенно выяснение литературных источников фразеологии, фактов заимствования и калькирования. В чисто лингвистической проекции, однако, эти проблемы диахронического анализа фразеологии тесно смыкаются с проблемой моделирования устойчивого сочетания.

Практическая и теоретическая разработка вопросов, связанных с идентификацией литературных источников фразеологии, во многом опередила теорию и практику других разделов последней⁵⁶. Одним из ценных лингвистических выводов, к которым пришли исследователи фразеологии литературного происхождения, является вывод о «гибкости и диалектичности» как характерном качестве последней⁵⁷.

Проблема источников фразеологии — проблема гораздо более широкая, чем этимологический анализ устойчивых сочетаний. Это проблема общелингвистическая. Естественно поэтому, что факт мобильности фразеологии отражается здесь в более широком плане. Вопрос об авторстве фразеологического источника, например, издавна являвшийся одним из самых спорных⁵⁸, становится еще более проблематичным при рассмотрении его в собственно лингвистическом аспекте, где авторство выступает лишь как способность трансформировать сложившуюся (общенародную) фразеологическую модель. Так, автором русского номинативного сочетания *попрыгунья стрекоза* является И. А. Крылов⁵⁹. Коннотация *стрекоза*: «легкомысленность», столь существенная для семантической модели русского сочетания⁶⁰, тесно связывается с басней Ф. Лафонтена «La cigale et la fourmi»⁶¹. Более детальный анализ источников показывает, однако, что «литературное» авторство этой коннотации (resp. сюжета *la cigale — la four-*

⁵⁴ Ср., однако, ворон. *бруньки сбивать* «бездельничать» и *брунь* «колос».

⁵⁵ Подробнее см.: В. М. М о к и е н к о, Вариантность как один из источников образования фразеологизмов, «Мовознавство», (в печати); е г о ж е, Ложная аналогия и фразеологические единицы, «Вестник ЛГУ», 1973 (в печати).

⁵⁶ Н. С. А ш у к и н, М. Г. А ш у к и н а, Крылатые слова, 3-е изд., М., 1966; А. М. Б а б к и н, В. В. Ш е н д е ц о в, Словарь иноязычных выражений и слов, кн. I—II, М.—Л., 1966; А. М. Б а б к и н, Русская фразеология, ее развитие и источники, Л., 1970.

⁵⁷ А. М. Б а б к и н, Русская фразеология ..., стр. 9.

⁵⁸ Ср.: И. Е. Т и м о ш е н к о, Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок, Киев, 1897.

⁵⁹ О специфике значения *стрекоза* см.: Дм. К о б я к о в, Приключения слов, М., 1966, стр. 9—10.

⁶⁰ Авторскую трансформацию (универбацию) этого сочетания находим, например, у А. П. Чехова (рассказ «Попрыгунья»).

⁶¹ Р. А. Б у д а г о в, Введение в науку о языке, М., 1968, стр. 225.

mi) установить весьма сложно: она восходит к древним источникам и, видимо, в конечном итоге связана с фольклорной традицией⁶². Примерно к такому же результату приводят и поиски исходного источника выражения *львиная доля*. Басенный сюжет, ставший его основой, использован И. А. Крыловым (в русской литературе также В. К. Тредиаковским, А. П. Сумароковым, М. Хемницером), Ж. Лафонтеном, Федром, автором же его считается Эзоп⁶³. Уже давно, однако, найден народный источник этого фразеологизма — арабская сказка⁶⁴. Лингвистическая основа этого фразеологического сюжета — древнейшая коннотация *лев*: «могущество, власть», известная многим языкам и имеющая, по-видимому, типологический характер.

Поиск исходной фразеологической модели в общефилологическом плане, таким образом, — это широкая семиотическая задача. В лингвистическом же плане необходимо подчеркнуть возможность сведения многих «авторских» фразеологизмов к более общим структурно-семантическим моделям. Для источниковедческой интерпретации выражения *рыцарь на час*, например, достаточно констатировать, что оно принадлежит Н. А. Некрасову⁶⁵. Анализ содержания некрасовского стихотворения и структура этого выражения дают основание предположить, что оно создано по аналогии с крылатым словом *калиф на час*. Замена компонента (*калиф* на *рыцарь*), как мы видели на примере *бить баклуши* — типичный случай образования фразеологического ряда. Характерно, что восходящий к арабской сказке интернациональный фразеологизм *калиф на час* в русском языке создает активную структурно-типологическую модель [по Б. Шварцкопфу, *x + на час*, где *x* замещается все новыми лексемами разной семантики: *факир на час* (В. Амлинский), *премьер на час* (Л. Любимов), *выдвиженец на час* (И. Ильф, Е. Петров), *удачник на час* (Г. Куницын) и под.]⁶⁶.

Задача выявления исходной структурно-семантической модели встает и при этимологизации фразеологизмов-заимствований и калек. В этом случае исследователю приходится оперировать широким межъязыковым ареалом, чтобы доказать активность исходной модели в языках той генетической группы, из которой предполагается заимствование. Чешский компаративный оборот *píje jako holandr* «пьет как сапожник», например, на чешском материале интерпретируется двояко: «пьет как машина для дробления зерна» и «пьет как голландец». Этнонимическое толкование этого фразеологизма подкрепляется наличием подобной изосемантической модели в других языках (например, болг. *пиян като циганин*; серб.-хорв. *као пијан циганин*; русск. диалектн. *пьян как грек*; нем. *betrunken wie sieben Sweden*; франц. *boire comme un Suisse, boire comme un Polonais* и под.) и массой устойчивых сравнений с компонентом «голландец» в германских языках, где этот этноним имеет пейоративную коннотацию (нем. *gieng hiemit wie ein Holländer*; дат. *være skabt som en Hollaænder*; швед. *rik, renlig som en holländare; svåra som en holländare, supra som en holländare* и под.)⁶⁷.

⁶² A. S a u v a g e, Les insectes dans la poésie romaine, «L'Atomus. Revue d'études latines», XXIX, 2, 1970.

⁶³ Н. С. Ашук и н, М. Г. Ашук и н а, указ. соч., стр. 367; Эд. В а р т а н ь я н, указ. соч., стр. 121—122.

⁶⁴ A. R o z a n, Les animaux dans les proverbes, I, стр. 233—234 (год издания книги не указывается, примерно 1910).

⁶⁵ Н. С. Ашук и н, М. Г. Ашук и н а, указ. соч., стр. 587.

⁶⁶ Б. Ш в а р ц к о п ф, Калиф на час, «Р. яз. в нац. шк.», 1970, 1, стр. 88.

⁶⁷ Подробнее см.: V. M o k i j e n k o, Píje jako holandr nebo jako Holandr?, «Naše řeč», 1973 (в печати).

Доказательство моделируемости того или иного сочетания, как кажется, является в конечном итоге надежным лингвистическим критерием и при выявлении случаев ложной омонимии, закрепившейся в результате калькирования (тип *быть не в своей тарелке*),

Разумеется, исследование заимствований и калек, и особенно идентификация литературных источников фразеологии, имеют немало специфических аспектов. И все же их лингвистической доминантой является раскрытие первичной образности (или ее отсутствия) фразеологизма, иными словами, выявление его исходной модели.

Способность этой модели широко варьироваться и подвергаться различным ложноаналогическим трансформациям должна быть серьезным предупреждением против построения этимологий на отдельных этнографических фактах, без учета языковых свойств устойчивого сочетания. Само по себе обращение к этнографическим фактам при этимологическом анализе фразеологизмов вполне оправдано: большинство из устойчивых сочетаний имеет экстралингвистическую основу. Однако при атомарном лингвистическом подходе момент случайности (или неслучайности) таких фактов остается невыявленным. Поэтому исходным моментом этимологического анализа фразеологии следует считать наблюдения за синонимическими, структурными и вариационными потенциями определенного фразеологического поля. Такие наблюдения, требующие привлечения огромного фактического материала, прежде всего диалектного, позволят реконструировать исходную структурно-семантическую модель устойчивого сочетания, которая позволит затем обратиться к этнографическому материалу, а он в свою очередь покажет достоверность проделанной реконструкции, либо вызовет необходимость ее пересмотра. Решение дилеммы «этнография или лингвистика?» в области исторической фразеологии, следовательно, означает: «лингвистика и этнография».
